

**О. Мандельштам и Н. Федоров: философия времени и памяти
К 130-летию со дня рождения О.Э. Мандельштама***

© 2021 г.   О.М. Седых

*Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова,
Москва, 119991, Ленинские горы, д. 1.*

E-mail: oksanas@inbox.ru

Поступила 20.02.2021

В статье исследуются вероятностные линии преломления философских идей Николая Федоровича Федорова (1829–1903) в творчестве крупнейшего поэта Серебряного века Осипа Эмильевича Мандельштама (1891–1938), для которого русская мысль составляла предмет особого внимания (в круг его философского чтения входили, в первую очередь, сочинения русских авторов – П.Я. Чаадаева, славянофилов, К.Н. Леонтьева, В.В. Розанова, В.С. Соловьева, П.А. Флоренского, В.И. Иванова, М.О. Гершензона и др.). Предлагается проанализировать поэтический цикл О. Мандельштама «Стихи о неизвестном солдате» (1937), содержащий непосредственные отсылки к «Философии общего дела» Н. Федорова, что, принимая во внимание последовательный интерес поэта к русской философской мысли, допускает возможность его знакомства с текстами «московского Сократа». Экспликацию философских взглядов Мандельштама затрудняет модернистская специфика его поэтического текста, насыщенного множеством идейно-смысловых планов, открытого для разнообразных, зачастую противоречивых толкований, в то время как соотнесение с конкретной философской концепцией требует известной однозначности. С другой стороны, та же особенность мандельштамовской поэтики позволяет уловить в ряду генерируемых ею смыслов федоровские интонации, наполнявшие интеллектуальную атмосферу времени, к «шуму» которого поэт был исключительно чуток. Преимущественным полем идейных переключек в наследии философа и поэта оказывается область философии истории, времени и памяти. Среди прочего их взгляды сближает приверженность к специфической концепции времени, получившей кристаллизацию на почве религиозно-философских умонастроений Серебряного века и определяемой в современной исследовательской литературе понятиями «телеологическая причинность», «обратная каузальность», «энантидромия».

Ключевые слова: О. Мандельштам, Н. Федоров, П. Флоренский, А. Мальро, время, культурная память, русский космизм, «живой» музей, воображаемый музей, энантидромия, телеологическая причинность, обратная каузальность, теория прогресса.

DOI: 10.21146/0042-8744-2021-10-100-111

Цитирование: *Седых О.М.* О. Мандельштам и Н. Федоров: философия времени и памяти. К 130-летию со дня рождения О.Э. Мандельштама // Вопросы философии. 2021. № 10. С. 100–111.

---

* Исследование выполнено при поддержке Междисциплинарной научно-образовательной школы Московского государственного университета «Сохранение мирового культурно-исторического наследия».

O. Mandelstam and N. Fedorov: Philosophy of Time and Memory On the 130th Anniversary of the Birth of O.E. Mandelstam *

© 2021 Oxana M. Sedykh

Lomonosov Moscow State University,
1, Leninskie Gory, GSP-1, Moscow, 119991, Russian Federation.

E-mail: oksanas@inbox.ru

Received 20.02.2021

The article examines some probable lines of refraction of N. Fyodorov's ideas in the work of Russian greatest Silver age poet O. Mandelstam (1891–1938). Russian thought was a special subject of attention for the poet, his philosophical reading included mainly works by Russian authors such as P. Chaadaev, the Slavophiles, K. Leontiev, V. Rozanov, V. Solovyov, P. Florensky, V. Ivanov, M. Gershenzon and others. It is proposed to analyze O. Mandelstam's poetic cycle *Poem on the Unknown Soldier* (1937) containing direct references to N. Fedorov's *The Philosophy of the Common Task*. Taking into account the poet's consistent interest in Russian philosophical thought this allows a possibility of his acquaintance with writings of "Moscow Socrates". The explication of Mandelstam's philosophical views is complicated by the modernist specificity of his poetic text, which is saturated with a variety of ideological and semantic plans, open to various, often contradictory interpretations, while the correlation with a specific philosophical concept requires a certain unambiguity. On the other hand, the same peculiarity of Mandelstam's poetics allows us to catch in the series of meanings generated by it Fedorov's intonations that filled the ideological atmosphere of time, to the "noise" of which the poet was exceptionally sensitive. The field of philosophy of history, time and memory is the predominant area of ideological intersections in the philosopher's and poet's heritage. Among other things their views are brought together by their adherence to a specific time concept, which was crystallized on the basis of Silver Age religious and philosophical mentality and defined in current research by such concepts as "teleological causality", "reverse causality", "enantiodromia".

Keywords: O. Mandelstam, N. Fedorov, P. Florensky, A. Malraux, time, cultural memory, Russian cosmism, "living" museum, imaginary museum, enantiodromy, teleological causality, inverse causality, theory of progress.

DOI: 10.21146/0042-8744-2021-10-100-111

Citation: Sedykh, Oxana M. (2021) "O. Mandelstam and N. Fedorov: Philosophy of Time and Memory. On the 130th Anniversary of the Birth of O.E. Mandelstam", *Voprosy filosofii*, Vol. 10 (2021), pp. 100–111.

Следует сразу оговориться: творчество Осипа Мандельштама не было объектом прямого влияния идей Николая Федорова, трудно представить себе и какое-либо одобрение поэтом федоровского проекта воскрешения. Однако даже поверхностное знакомство с наследием этих авторов позволяет сделать вывод о главенствующей роли, отведенной проблематике памяти, времени и смерти. Более пристальный взгляд обнаружит,

---

* The research was carried out with the support of the Interdisciplinary Scientific and Educational School of Lomonosov Moscow State University "Preservation of the World Cultural and Historical Heritage".

что она разворачивается в русле специфичного для русской мысли танатологического дискурса. Кроме того, определенное преломление в творчестве Мандельштама получили идеи русского космизма, что, скорее всего, опосредовано вниманием поэта к фигуре свящ. П. Флоренского, а также авторитетного для многих его современников Вл. Соловьева, испытавшего значительное влияние Федорова. Поэт постулирует свойственный русскому космизму мироустроительный идеал – идеал культуры как гармонично оформленного космоса, сотворенного актом сознательного человеческого целеполагания, который в ряде стихов («Айа-София», «Notre-Dame», «Encyclica», «Вот дароносица, как солнце золотое...», «В хрустальном омуте какая крутизна!..», «Люблю под сводами седья тишины...») выражается через соположение космос – культура – храм. В целом православно-христианская тематика образует комплекс ведущих смысловых построений в творчестве Мандельштама, на что указывают авторитетные исследователи (С.С. Аверинцев, Н.А. Струве и др.). Поэт сочувственно относился к имяславию («Образ твой, мучительный и зыбкий...», «И поныне на Афоне...»).

Философские взгляды Мандельштама, носящие по преимуществу характер эстетической теории, получали выражение не только в поэтических текстах, но также в эссе и критических статьях, позволяющих составить более определенное представление о его мировоззренческих установках. Наиболее концептуальными из статей Мандельштама являются «Утро акмеизма» (1912), «Петр Чаадаев» (1914), «Скрябин и христианство» (1915–1920), «О природе слова» (1920–1922), «Слово и культура» (1921), «Десятинадцатый век» (1922), «Гуманизм и современность» (1923), «Разговор о Данте» (1933). Другим важным источником сведений о философских воззрениях поэта служат воспоминания его супруги Надежды Яковлевны Мандельштам (1899–1980). Ее книги содержат комментарии к текстам Мандельштама, разъяснение его мыслей и идей, а равно ее собственные размышления, в которых философская составляющая занимает не последнее место. Рассуждая о Федорове, Надежда Яковлевна вспоминает статью Мандельштама «Петр Чаадаев» (1914), трактующую феномен русской историософии XIX в.: «Федоров придумал своеобразный вариант российского хилиазма, в котором причудливо переплелись “великая славянская мечта о прекращении истории” и рационализм девятнадцатого века. Слова о “великой мечте” взяты из юношеской статьи Мандельштама “Петр Чаадаев”. Дальше он говорит: “Это – мечта о духовном разоружении, после которого наступит некоторое состояние, именуемое “миром” <...>. Еще недавно сам Толстой обращался к человечеству с призывом прекратить лживую и ненужную комедию истории и начать “просто жить” <...>. Не случайно Толстой чрезвычайно читл Федорова» [Мандельштам 1982, 39]. Здесь же поэт приводит такое наблюдение: господствующая тенденция русской истории состоит «...в колонизации, в стремлении расселиться возможно вольготнее на возможно больших пространствах» [там же, 303–304], в то время как мучение и счастье Запада составляет «...могучее стремление населить внешний мир идеями, ценностями и образами, что ввергнуло его народы в лабиринт истории, где они блуждают до сих пор» [там же, 304]. Последней из этих тенденций соответствует позитивистский взгляд на историю, преодоление которого поэт считал совершенной необходимостью, и христианская эсхатологическая модель, сформированная русской мыслью, стремившейся к освобождению от истории в ее сугубо феноменальной, сдерживаемой земными детерминантами ипостаси, интересовала его как возможная альтернатива.

Мысль Мандельштама о том, что история, понятая как неуклонный прогресс, становится лабиринтом (тюрьмой, несвободой), близка федоровским рассуждениям о прогрессизме XIX в., которые и в остальном имеют немало общего с высказываниями поэта о сути XIX столетия, которому он посвятил отдельную статью. Федорова и Мандельштама сближает разделявшееся не одним поколением русских интеллектуалов, и в особенности поколением Серебряного века, неприятие позитивизма. Изъян позитивистской модели оба видят в отказе постигать внутренние смысловые связи между явлениями. Обоих не устраивает постулируемый теорией прогресса принцип вытеснения одной эпохи другой, одного поколения другим: Федоров отвергает идею

превосходства сынов над отцами; Мандельштам, ставивший во главу угла историю литературы, говорит об абсурдности принципа превосходства одной литературной эпохи над другой, одного автора над другим: «Если послушать историков литературы, стоящих на точке зрения эволюционизма, то получается, что писатели только и думают, как бы расчистить дорогу идущим впереди себя, а вовсе не о том, как выполнить свое жизненное дело, или же что все они участвуют в конкурсе изобретений на улучшение какой-то литературной машины, причем неизвестно, где скрывается жюри и для какой цели эта машина служит» [Мандельштам 2017, 318–319].

Предлагаемый философом и поэтом – альтернативный позитивистскому – взгляд на историю, в свою очередь, имеет очевидные сходства, что допускает постановку вопроса о единообразных, специфичных для русской мысли Серебряного века способах осмысления времени и памяти: история понимается как вечно актуализирующаяся память – модус синхронной представленности прошлого в настоящем. Средства такой актуализации авторы видели по-разному (для Федорова это, прежде всего, воскресительный проект), однако именно в этом модусе история в их представлении обретает смысловую связность, осмысленность, синтетическое единство, и – сообразно установкам русского космизма – такое качество, как антиэнтропийность, которого лишена история, трактуемая в духе линейного прогрессизма.

В этой связи значимо другое упоминание о Федорове, сделанное Н.Я. Мандельштам. Комментируя эссе поэта «Разговор о Данте» (1933), относящееся к позднему (вероятно, самому философичному) периоду его творчества, она приводит следующий фрагмент: «Избранный Дантом метод анахронистичен – и Гомер, выступающий со шпагой, волочащейся на боку, в сообществе Вергилия, Горация и Лукиана из тусклой тени приятных орфеевых хоров, где они вчетвером коротают бесслезную вечность в литературной беседе, – наилучший его выразитель [там же, 676]». Речь идет о художественном изображении лимба, первого круга Ада, где, согласно общей догме, пребывают души добродетельных нехристиан и куда Данте, уже по личной инициативе, помещает весь цвет античного и нехристианского миров – поэтов, мудрецов, ученых. Их тени оживают, они беседуют друг с другом, как если бы они были живы: «Совсем иначе осуществляют федоровское дело поэты, – комментирует Надежда Мандельштам. – <...> Вероятно, у каждого поэта есть жажда встречи и разговора со своими предшественниками, острое и напряженное личное отношение к тем, чей голос они слышат в живых стихах, но кого уже нет на земле. Это не просто горечь “невстречи” с поэтами, с которыми они разведены во времени, но и страстное желание преодолеть время, войти в соприкосновение с ними, словом, осуществить частичное, выборочное воскресение актом любви, преданности, восхищения» [Мандельштам 1982, 40].

Приведенная цитата из «Разговора о Данте» и в целом хорошо иллюстрирует мандельштамовский ответ на вопрос, как возможна актуализация культурной памяти, который (хотя бы с подачи его супруги) позволительно рассматривать как своеобразную вариацию дела воскрешения умерших, как способ преодоления забвения и смерти, то есть как антиэнтропийный проект. Ответом на этот вопрос, по сути, является все творческое наследие Мандельштама, включая его поэтологическую составляющую. Вполне естественно, что ответ дается не в дискурсивной форме, но путем выстраивания художественных, визуально представимых образов, лейтмотивных для творчества поэта и особенно репрезентативных в «Разговоре о Данте». Однако за ними скрыта концепция. Перед нами своеобразный «живой» музей. «Божественная комедия» Данте восхищала Мандельштама своим хронотопом: Вселенная умерших предстает у Данте единовременно, в едином актуальном моменте, соединившем представительных этапов мировой истории здесь и сейчас, так что все прошлое человечества оказывается полностью актуализированным. Замечание Надежды Мандельштам, призванное обозначить расхождение в видении такой актуализации философом и поэтом, указывает также на имеющиеся между ними сходства. Вселенная умерших, память о которых вызывает к потомкам, требуя буквального восстановления, предстает и в трудах Федорова, и о ней уместно говорить как о «живом» музее. Впрочем,

Федорову, как известно, принадлежит последовательное обоснование проекта «живого» музея, предвосхитившее музейные проекты XX в., нацеленные на актуализацию культурного наследия в том или ином виде. В текстах Федорова, посвященных музею, о музее, в свою очередь, говорится как о Вселенной («...музей есть образ мира, вселенной видимой и невидимой, умершего и еще живущего, прошедшего и настоящего» [Федоров 1995⁶, 379]), а об аде – как о ведомстве музея: «Для музея самая смерть – не конец, а только начало; подземное царство, что считалось адом, есть даже особое специальное ведомство музея. Для музея нет ничего безнадежного, “отпетого”, т.е. такого, что оживить и воскресить невозможно; для него и мертвых носят с кладбищ» [там же, 372].

Немаловажно, что для Манделъштама, как и для Федорова, культурная память – не абстрактное понятие. Прошлое всегда персонифицировано – явлено через память о конкретном лице (для поэта это прежде всего лица творческие, создатели традиций), а также в нашем личностном восприятии созданного предшествующими поколениями. Поэт в этой связи говорил о «миге узнавания» – акте вживания в прошлое, личностном акте герменевтического свойства, удостоверяющем связь-совпадение прошлого и настоящего: «...вчерашний день еще не родился. Его еще не было по-настоящему. Я хочу снова Овидия, Пушкина, Катулла, и меня не удовлетворяет исторический Овидий, Пушкин, Катулл <...>. Итак, ни одного поэта еще не было. Мы свободны от груза воспоминаний. Зато сколько радостных предчувствий: Пушкин, Овидий, Гомер» [там же, 331–332]. И поскольку прошлое всегда актуализировано в сознании последующих поколений и объективировано в культурном творчестве, история оказывается пронизанной бесчисленными внутренними смысловыми взаимодействиями: прошлое и будущее в лице предков и потомков встречаются, образуются связующие их нити. Такое видение способа воскрешения памяти, хотя, как указывает супруга поэта, не предполагает федоровской проективной составляющей, созвучно установкам философа в отношении прошлого. Говоря о воскрешении умерших, Федоров многократно подчеркивал необходимость возврата того уникального феномена, каковым является конкретная личность и личностная память. По Федорову, память и вообще эквивалентна личности (душе, разуму), музей же «...есть выражение памяти общей для всех людей, как собора всех живущих, памяти, неотделимой от разума, воли и действия, памяти не о потере вещей, а об утрате лиц» [там же, 383].

Один из ярких примеров поэтического воплощения идеи «живого» музея представлен в стихотворении Манделъштама «Черепаша» (1919), входящем в цикл так называемых античных стихотворений. Античность для поэта – ближайший пример умершей и при этом всегда актуализированной, вечно живой эпохи, связанной бесчисленными смысловыми нитями со всей последующей культурной историей – и с настоящим, и с будущим:

На каменных отрогах Пиэрии
Водили музы первый хоровод,
Чтобы, как пчелы, лирики слепые
Нам подарили ионийский мед.
И холодком повеяло высоким
От выпукло-девического лба,
Чтобы раскрылись правнукам далеким
Архипелага нежные гроба...

Речь идет о рождении поэзии из первого хоровода муз, а также о древнегреческих островах – родине первых поэтов-лириков (далее острова будут названы святыми). Древняя поэтическая традиция оживает в конкретных лицах (упомянуты Сапфо, Терпандр, присутствует намек, возможно, на Гомера и Стесихора, слепых, по преданию). Кладбище, вполне по Федорову, становится ожившим музеем – храмом муз, и такое оживление-воскрешение восстанавливает связь времен: гроба открываются будущему, грядущим поколениям. Показательно в этой связи высказывание Федорова: «...от памяти,

т.е. от всего человека, родились музы и музей; <...> цель музея не может быть иной, чем цель хора и храма предков, в который и превратился хор» [Федоров 1995⁶, 371].

* * *

Установка на восприятие культурных традиций прошлого в модусе их вечной актуализации, репрезентируемой образом музея или библиотеки, – одна из идейных доминант эпохи модернизма, получивших выражение в литературном творчестве и эстетических теориях целого ряда писателей-модернистов (помимо Манделштама, у Т. Элиота, Э. Паунда, А. Мальро, Х.Л. Борхеса и др.). Например, одним из эквивалентов федоровского музейного проекта исследователи называют (см.: [Бонами 2018]) концепцию воображаемого музея или «музея без стен» Андре Мальро (1901–1976). Воображаемый музей – это пространство ожившей культурной памяти, в котором собеседуют эпохи и которое каждый способен создать силой своего воображения, что неизбежно влечет личную встречу с прошлым. Концепция Мальро подразумевает отказ от музейного пространства, сконструированного по линейно-прогрессистскому принципу, а также от восприятия музея как хранилища мертвых вещей, которое и Федоров, со своей стороны, подверг резкой критике. «Воображаемый музей, – писал Мальро, – несет если не бессмертие <...>, то по крайней мере загадочное освобождение от времени» [Мальро 2005, 233]; «...мы вырываем у прошлого смерти живое прошлое музея. Мы коллекционируем отнюдь не стертые барельефы, не эффекты окисления – нас привлекает не присутствие смерти, а признаки ее попраяния» [Мальро 1989, 256]. Наглядной иллюстрацией такого пространства Мальро, как и Манделштам, называет Дантов лимб. Впрочем, Манделштаму весь космос «Божественной комедии» представлялся сплошным музеем без стен: «Если бы залы Эрмитажа вдруг сошли с ума, если бы картины всех школ и мастеров вдруг сорвались с гвоздей, вошли друг в друга, смешались и наполнили комнатный воздух футуристическим ревом и неистовым красочным возбуждением, то получилось бы нечто подобное Дантовой “Комедии”» [Манделштам 2017, 677].

Однако на русской почве концептуализация темы памяти имела свою специфику, пояснить которую позволяет обращение к ее темпоральному аспекту. В наследии философа и поэта проблематика памяти и времени связана теснейшим образом, это две стороны одного вопроса. Для Манделштама время – особая категория, в его стихах и прозе возникают различные, зачастую весьма причудливые, образы времени: вечный круг, стремительный бег, замедление, застывание, обращение вспять; в его творчестве получили отражение те сдвиги в осмыслении феномена времени, которыми ознаменован рубеж XIX и XX вв. (философия жизни, теория относительности и пр.). Но о целостном представлении поэта о времени следует говорить, лишь принимая во внимание то значение, которое он придавал христианской концепции времени, почитаемой за наиболее аутентичную. На рубеже XIX и XX вв. русская культура совершила свой собственный переворот в толковании времени, предпринятый Федоровым и подхваченный религиозно-философской мыслью Серебряного века, для которой христианская модель времени всегда сохраняла свое значение. После Федорова в русской (как и после Бергсона в западноевропейской) мысли отношения прошлого, настоящего и будущего становятся все сложнее осмыслять в русле прежних, утвердившихся в новоевропейской культуре, временных моделей.

Как отмечалось, в творчестве Манделштама время концептуализировано как миг, обусловленный двумя бесконечностями, – прошлого и будущего. Так становится мыслимой и представимой (хотя бы в образах «Божественной комедии») одномоментная актуализация культурной памяти человечества. Основание этой модели коренится в христианской концепции времени, которая обсуждается поэтом в статье «Скрябин и христианство» (1915–1920): «...христианская вечность, – пишет Манделштам, – это кантовская категория, рассеянная мечом серафима» [там же, 313]. Статья была написана

под впечатлением от речи П.А. Флоренского на похоронах А. Скрябина. В ней заметны отсылки к высказываниям Флоренского о боговоплощении как о самом очевидном прорыве ноумена в феноменальный мир: явление Христа в мир, то есть явление вечного во временное, разрывает земное время, стягивая на себя прошлое и будущее (ср. у Мандельштама: «Гармония – кристаллизовавшаяся вечность, она вся в поперечном разрезе времени, в том разрезе времени, который знает только христианство» [Мандельштам 2017, 317]). По словам Н.Я. Мандельштам, поэт всегда думал о соотношении мига и вечности – «...текущего мгновения, запечатленного в поэзии, и будущего как на земле, так и в вечности <...>. Вечность он понимал как вечное “сейчас”, как Евхаристию» [Мандельштам 1983, 339–340]. Ощущение мига, разомкнутого в вечность, передается в стихотворении Мандельштама «Вот дароносица, как солнце золотое...» (1915), воссоздающем атмосферу православного богослужения:

Богослужения торжественный зенит,
Свет в круглой храмине под куполом в июле,
Чтоб полной грудью мы вне времени вздохнули
О луговине той, где время не бежит.
И Евхаристия, как вечный полдень, длится...

Согласно наблюдениям современных исследователей, в русской мысли Серебряного века кристаллизуется специфичная концепция времени, альтернативная устоявшимся в новоевропейской культуре (линейным или циклическим) временным моделям. Ее черты фиксируются в наследии целого ряда авторов Серебряного века (Вяч. Иванова, А. Белого, М. Волошина, В. Хлебникова и др.), в число которых входит и О. Мандельштам. В.В. Петров называет ее обратной каузальностью или телеологической причинностью (см. [Петров 2018]); В.П. Троицкий предлагает определить как энантиодромию (от ἐναντιος – противоположный, δρόμος – бег) и рассматривает как лейтмотив космологических построений Серебряного века (см. [Троицкий 2010]). Энантиодромия – это встреча двух противоположных временных потоков, один из которых направлен от прошедшего к будущему, другой – от будущего к прошедшему. Особо выделенным в такой модели оказывается миг настоящего – момент встречи бесконечностей прошлого и будущего. Наиболее последовательные энантиодромические построения обнаруживаются в поэме Вяч. Иванова «Сон Меланпа» (1907), в «Иконостасе» (1918–1920) и «Мнимостях в геометрии» (1922) П.А. Флоренского. Если продолжить поиск черт этой модели у авторов Серебряного века, невозможно обойти вниманием философию Вл. Соловьева: встреча двух противоположных потоков (движение мира к Богу и Бога к миру) – условие осуществления Всеединства, Богочеловечества, Вселенской теократии: посредством Софии мир преобразуется именно в этой встрече. Однако основание этой концепции было заложено философией Н. Федорова: все прошлое человечества – всех отцов, весь их опыт, он предлагал актуализировать в будущем, что подразумевает вхождение истории в такой модус времени, в пределах которого вопрос о различении настоящего, прошлого и будущего станет несущественным. Дело воскрешения отцов, которое Федоров противопоставлял мировой энтропии и понимал очень буквально, осуществимо посредством встречных усилий Бога и человека, восстанавливающих всечеловеческую память, объединяющих будущее и прошедшее.

* * *

В завершение стоит сказать несколько слов о цикле О. Мандельштама «Стихи о неизвестном солдате» (1937), содержащем текстовые отсылки к «Философии общего дела» Н. Федорова. Он создавался как поэтическое свидетельство об одном из самых трудных и трагичных периодов русской истории, в преддверье безвестной кончины поэта в сталинских лагерях. По содержанию произведение предельно герметично – перед нами текст-шифр, зашифрованное послание, открытое для различных, равно возможных вариантов дешифровки. «Философия общего дела» – один из множества

задействованных в нем текстов и подтекстов, отсылающих к историческим событиям, поэтическим традициям, научным концепциям, советской риторике и повседневности и пр., так что ряд возникающих при чтении смысловых ассоциаций становится неограничен. Судьбы мира и ход истории осмысляются поэтом в связи с собственной судьбой и судьбой его поколения, многие представители которого – жертвы Первой мировой войны и советского режима, заложники того немирного состояния мира, о котором говорится в открывающей первый том «Философии общего дела» (1906) записке Н. Федорова «Вопрос о братстве, или родстве, о причинах небратского, неродственного, т.е. немирного состояния мира и о средствах к восстановлению родства» (1878–1893). Именно к этому сочинению, излагающему основные постулаты федоровского учения, восходит ряд текстовых построений цикла. «Стихи» звучат как пророчество – Второй мировой войны, скорой смерти поэта, судеб его современников. При этом Мандельштам не отказывается от размышлений о судьбе поэзии и поэтического слова, которые всегда оставались константой сознания его лирического героя. Неизвестный солдат как изобретенный человечеством способ безлично чтить память безвозвратно ушедших, растворившихся в безымянной толпе, выступает эмблемой-символом «потерянного поколения». Он отождествим и с каждым из погибших, и с самим поэтом. Космическая тематика «Стихов» (аллюзии на новейшие космологические теории) расширяет мир до пределов «разбегающейся» Вселенной («Растяжимых созвездий шатры»), что на фоне отсылок к «Философии общего дела» вовлекает в подтекст космическую составляющую федоровского проекта, которая приходит на ум при любом упоминании о философе.

Отсылки к тексту Федорова обнаруживаются в следующих строфах:

Помнит дождь, неприветливый сеятель,
Безымянная манна его,
Как лесистые крестики метили
Океан или клин боевой.

Будут люди холодные, хилые
Убивать, голодать, холодать,
И в своей знаменитой могиле
Неизвестный положен солдат.

Ср. первый абзац записки Федорова «Вопрос о братстве»: «В бедственный 1891 г., когда во многих губерниях, составляющих житницу России, был голод от засухи, ставшей, по-видимому, хронической, когда беспрестанно возникали слухи, поддерживавшие напряженное ожидание войны, вдруг стало известно об опытах вызывания дождя посредством взрывчатых веществ, т.е. таких, которые до сих пор употреблялись, можно сказать, исключительно в войнах внешних, а также и внутренних, каковы революции, динамитные заговоры и т.п.» [Федоров 1995^а, 38]. Таким образом, отсылки к тексту «Вопроса о братстве» обозначают важную в контексте тематики стихотворения ситуацию неурожая и голода 1891 г., о которой идет речь у Федорова. Указание на 1891 г. является ключевым – это год рождения Мандельштама, время закладки его судьбы, оно зачинает и венчает стихотворение. Вот его последняя строфа:

Наливаются кровью аорты,
И звучит по рядам шепотком:
– Я рожден в девяносто четвертом,
Я рожден в девяносто втором...
И, в кулак зажимая истертый
Год рожденья с гурьбой и гуртом,
Я шепчу обескровленным ртом:
– Я рожден в ночь с второго на третье
Января в девяносто одном.
Ненадежном году, и столетья
Окружают меня огнем.

Можно предположить, что федоровский текст вспоминается поэту в связи с мыслью о «ненадежности» собственного года рождения, или, наоборот, эта мысль возникает под влиянием текста записки, обрисовывающей катастрофическую ситуацию голодного 1891 г. и предлагающей средства борьбы с «ненадежностью» мира – и конкретные (взрывчатые, военно-воздушные), и космические (воскрешение умерших). Допустимы дальнейшие, более детальные сопоставления текста «Стихов» с текстом Федорова (например, из записки становится понятным эпитет «неприветливый» по отношению к дождю: он мог бы накормить массу голодающих в случае применения военных средств к регуляции метеорологических явлений, и в записке Федоров выражает недоумение по поводу отвержения – «неприветливости» – предложенных мер представителями Церкви). Такого рода отсылки могут указывать на непосредственное знакомство Манделъштама с «Вопросом о братстве», являющимся, возможно, самым известным текстом философа. Как бы то ни было, «...говоря о космосе, смерти, посмертном космическом существовании и т.д. Манделъштам не мог не иметь в виду (в большей или меньшей степени) федоровские идеи, которые, несомненно, были известны ему – если не в первоисточнике, то в многочисленных их изложениях, полемических пересказах и т.п.» [Живов 1992, 419].

Федоровская составляющая «Стихов о неизвестном солдате» получила различные оценки исследователей. По наблюдению Б.М. Гаспарова, в «Стихах» федоровская мечта о преодолении закона мировой энтропии, победе над смертью, освоении космических пространств вкупе с восходящей к федоровской, но трансформированной в советскую эпоху утопической мифологией (идеи А.А. Богданова, К.Э. Циолковского), сталкивается с неприглядностью ее реального воплощения: «Технократическая утопия рассматривала бесконечно “растяжимые” космические пространства как потенциально неисчерпаемый источник жизненного пространства и питания для бесчисленных воскрешенных поколений. У Манделъштама небесный океан и космические миры, приблизившись к человеку, став реальностью, оборачиваются типичными реалиями XX века, реалиями окопного и коммунального быта: палаткой, траншеей и коммунальной жилплощадью со строго “промеренным” количеством отпущенного жизненного пространства и воздуха, “манной” бомб, посылаемой с неба голодающим, “жирами”, золотого небесного урожая ядовитых газов» [Гаспаров 1993, 236]. В.М. Живов в федоровских мотивах «Стихов» видит «общезначимый символ утопии, обольщавший русскую духовность начала века» [Живов 1992, 432] и имеющий в целом негативные коннотации: полемический антифедоровский подтекст состоит в апологии личности перед лицом безличного космоса и безличного же федоровского вселенского бессмертия, реализуемого в общем деле, то есть, опять же, за счет растворения личности в безличном.

Однако федоровский подтекст «Стихов о неизвестном солдате» в равной степени поддается дешифровке в свете собственно федоровских смыслов, которые оказываются на поверхности при обращении к записке «Вопрос о братстве». В стихотворении очевидны как минимум две смысловые линии, созвучные предельно гуманистическому пафосу федоровского текста (гуманистическая составляющая имеет исключительную значимость в наследии обоих авторов). Первая – антимилитаристская, обнажающая и обличающая немирное состояние мира (смертоносная вражда, войны, массовый голод, болезни, смерти, социальные катаклизмы), неприемлемое в условиях современной цивилизации, возросшей на почве гуманистических ценностей, но следующей таким путем, будто они не имеют значения. «Стихи» Манделъштама удостоверяют правомерность и пророческий характер опасений, озвученных Федоровым полустолетием ранее, во времена, относящиеся к году рождения поэта: «Все повсюду будут “видеть беспощадную, крайне смертоносную борьбу всех против всех”. Можно ли наслаждаться таким адом?» [Федоров 1995^а, 42]. Представшая перед поэтом и переживаемая им реальность, прожитая жизнь и предчувствие ее трагического финала служат свидетельством осуществленного пророчества, но реализованного гипертрофически: немирное состояние мира превысило все федоровские опасения; военные средства, которые Федоров призывал использовать в мирных целях, применяются для массового

уничтожения («Небо крупных оконных смертей»; «Миллионы убитых задешево»). По жестокой иронии (можно согласиться, что это вносит антиутопический посыл) космические масштабы принимает не массовое восстановление, а массовые бедствия – человеческая история следует совсем не тем путем, который указывал философ, но прямо противоположным. В записке «Вопрос о братстве» много говорится о необходимости противостояния слепой разрушающей природной силе посредством использования соответствующих способов регуляции (одним из главных вопросов, поставленных Федоровым, является вопрос «Почему природа нам не мать, а мачеха или кормилица, отказывающаяся кормить?»; ср. в «Стихах о неизвестном солдате»: «Слышишь, мачеха звездного табора / – Ночь, что будет сейчас и потом?»). Мандельштам повествует о том, как слепая сила («океан без окна»), скорее, не природного, а социального происхождения, поглощает человека. В этих условиях теряет действенность привычный для поэта способ регуляции собственной судьбы – опора на поэтическое слово («Как мне с этой воздушной могилою / Без руля и крыла совладать»).

Вторая смысловая линия, важная в свете творческих и мировоззренческих установок поэта, ставит вопрос, как в условиях подобного состояния мира возможно сохранение памяти – о личности, имени, культурном наследии, иными словами, о том, к чему, в своей специфической трактовке, призывал Федоров. Для Мандельштама залогом сохранения памяти всегда являлось поэтическое слово, опыт поэтического творчества, противопоставленный державинской реке времен (последовательно эта мысль развивается в стихотворении «Грифельная ода», 1923). Теперь, в реальности 1930-х, в ситуации космической катастрофы забвения, надежда на сохранение памяти через поэтическое творчество утрачивается (возникает образ «ласточки хилой», разучившейся летать; ранее у Мандельштама ласточка символизировала поэтическое слово). В контексте 1937 г. угроза полного забвения, ухода в небытие без какого бы то ни было поминовения, представлялась вполне реальной. Именно в этой связи мог вспомниться федоровский призыв к вселенскому восстановлению памяти о безвозвратно ушедших.

В этот период тема вселенской панихиды по трагически уходящему, рискующему кануть в Лету и никогда не быть помянутым поколению, возникает в творчестве поэтов-современников Мандельштама – А. Ахматовой («Реквием», «Поэма без героя»), Б. Пастернака, чей «Доктор Живаго», как замечает О.А. Седакова, есть «...своего рода епифания православной панихиды в форме нового искусства <...>. Здесь вместе с гениальным автором потрудились история, новые “времена Веспасиана” с миллионами жертв, лишенных и отпевания, и всякого права на память. Художник – свидетель этого времени не мог не чувствовать в этом двойном уничтожении человека вызова и долга для себя. “Чтоб вас оплакивать, мне жизнь сохранена”, – писала Анна Ахматова» [Седакова 2004, 284]. В связи с федоровской темой имя Ахматовой вспоминает и Надежда Мандельштам: «В сущности Ахматова, сама того не зная, была последовательницей Федорова. Только то, что Федорову представлялось священным долгом потомков, а именно – воскрешение умерших предков, стало у Ахматовой естественным актом дружбы, живым и активным отношением поэта к родоначальникам – друзьям и братьям в доме единой матери – мировой поэзии» [Мандельштам 1982, 38]. Так же и для Мандельштама: собственная память неотделима от памяти поколения, а вопрос о ее сохранности от вопроса о судьбе поэтического наследия. Представляя толпу погибших, в которой никто не выделен как имя и личность, неизвестный солдат символизирует последнюю надежду на восстановление памяти.

«Стихи о неизвестном солдате» завершает военно-лагерная переключка рожденных в 1890-х, в ходе которой люди, составляющие строй, толпу, массу, называют год рождения вместо имени. Можно предположить, что под рожденными в 1890-х скрываются лица конкретных современников поэта (в частности, в «Стихах» фиксируются отсылки к фигурам С. Есенина и В. Маяковского, родившимся в 1890-х и трагически окончившим жизнь в советскую эпоху). В записке «Вопрос о братстве» грядущее соборное единение представляется как возможность, будучи частью всеобщего, сохранять личностную целостность: «Только в учении о родстве вопрос о толпе и личности

получает решение: единство не поглощает, а возвеличивает каждую единицу, различие же личностей лишь скрепляет единство» [Федоров 1995^a, 44]. В «Стихах о неизвестном солдате» чувство родства с поколением запечатлено как вселенское чувство. И, поскольку прижизненная реальность все заметнее вытесняет поколение поэта из памяти живущих, перешептывание на берегу Леты, венчающее цикл, наводит на мысль о единственно возможном варианте восстановления – о родстве и братстве («с гурьбой и гуртом») в смерти, в вечности – в том вселенском масштабе, о котором по-своему грезил Федоров.

Источники и переводы – Primary Sources and Translations

Мальро 2005 – *Мальро А.* Воображаемый Музей: голоса безмолвия. М.: КРЮК-Престиж, 2005 (Malraux, André, *Le musée imaginaire: les voix du silence*, Russian Translation).

Мальро 1989 – *Мальро А.* Зеркало лимба: Сборник. М.: Прогресс, 1989 (Malraux, André, *Antimémoires; La corde et les souris*, Russian Translation).

Мандельштам 1983 – *Мандельштам Н.Я.* Вторая книга. Париж: YMCA-Press, 1983 (Mandelstam, Nadezhda Ya., *The Second Book*, in Russian).

Мандельштам 1982 – *Мандельштам Н.Я.* Мое завещание и другие эссе. Нью-Йорк: Серебряный век, 1982 (Mandelstam, Nadezhda Ya., *My Testament and Other Essays*, in Russian).

Мандельштам 2017 – *Мандельштам О.Э.* Полное собрание поэзии и прозы в одном томе. М.: Альфа-Книга, 2017 (Mandelstam, Osip E., *The Complete Collection of Poetry and Prose in One Volume*, in Russian).

Федоров 1995^a – *Федоров Н.Ф.* Собрание сочинений. В 4 т. Т. 1. М.: Прогресс, 1995 (Fyodorov, Nikolay F., *Collected Works*, in Russian).

Федоров 1995^b – *Федоров Н.Ф.* Собрание сочинений. В 4 т. Т. 2. М.: Прогресс, 1995 (Fyodorov, Nikolay F., *Collected Works*, in Russian).

Ссылки – References in Russian

Бонами 2018 – *Бонами З.А.* Незримый диалог: музейный проект Н.Ф. Федорова в контексте западноевропейской философии, музеологии и художественной критики // Московский Сократ: Николай Федорович Федоров (1829–1903). Сборник научных статей / Отв. ред. А.Г. Гачева. М.: Академический проект, 2018. С. 565–572.

Гаспаров 1993 – *Гаспаров Б.М.* Литературные лейтмотивы. Очерки по русской литературе XX века. М.: Наука, Восточная литература, 1993.

Живов 1992 – *Живов В.М.* Космологические утопии в восприятии большевистской революции и антикосмологические мотивы в русской поэзии 1920–1930-х годов // Сборник статей к 70-летию проф. Ю.М. Лотмана / Отв. ред. А. Мальц. Тарту: Тартуский ун-т, 1992. С. 411–434.

Петров 2018 – *Петров В.В.* Телеология, четвертое измерение и обратный ход времени в работах Андрея Белого, Вяч. Иванова и М. Волошина // Вячеслав Иванов: исследования и материалы. Вып. 3 / Отв. ред. С.В. Федотова, А.Б. Шишкин. М.: ИМЛИ РАН, 2018. С. 13–65.

Седакова 2004 – *Седакова О.А.* Поэтика обряда. Погребальная обрядность восточных и южных славян. М.: Индрик, 2004.

Троицкий 2010 – *Троицкий В.П.* Гераклитова «энантиодромия» в космологических образах Серебряного века // Античность и русская культура Серебряного века: к 85-летию А.А. Тахо-Годи / Отв. ред., сост. Е.А. Тахо-Годи. М.: Наука, 2010. С. 120–127.

References

Bonami, Zinaida A. (2018) “Invisible Dialogue: N.F. Fyodorov’s Museum Project in the Context of Western European Philosophy, Museology and Art Criticism”, Gacheva, Anastasia G., ed., *Moscow Socrates: Nikolai Fyodorovich Fyodorov (1829–1903). Collection of Scientific Articles*, Akademicheskyy Proekt, Moscow, pp. 565–572 (in Russian).

Gasparov, Boris M. (1993) *Literary Leitmotives. Essays on Russian Literature of the 20th Century*, Nauka, Moscow (in Russian).

Petrov, Valery V. (2018) “Teleology, the Fourth Dimension, and the Reverse Course of Time in the Works of Andrey Bely, Vyach. Ivanov and M. Voloshin”, Fedotova, Svetlana V., Shishkin, Andrey B., eds., *Vyacheslav Ivanov: Research and Materials*, Vol. 3, Institute of World Literature, Russian Academy of Sciences Publ., Moscow, pp. 13–65 (in Russian).

Sedakova, Olga A. (2004) *The Poetics of the Rite. The Funeral Rites of the Eastern and Southern Slavs*, Indrik, Moscow (in Russian).

Troitzky, Victor P. (2010) 'Herakliou "Enantiodromia" in Cosmological Images of the Silver Age', Takho-Godi, Elena A., ed., *Antiquity and Russian Culture of the Silver Age: to the 85th Anniversary of A.A. Takho-Godi*, Nauka, Moscow, pp. 120-127 (in Russian).

Zhivov, Victor M. (1992) "Cosmological Utopias in the Perception of the Bolshevik Revolution and Anti-Cosmological Motifs in Russian Poetry of the 1920s and 1930s", Malts, Ann, ed., *Collection of Articles for the 70th Anniversary of Professor Yu. M. Lotman*, Tartu Ülikool, Tartu, pp. 411-434 (in Russian).

Сведения об авторе

СЕДЫХ Оксана Михайловна –
кандидат философских наук, доцент кафедры
истории и теории мировой культуры философского
факультета Московского государственного
университета им. М.В. Ломоносова.

Author's Information

SEDYKH Oxana M. –
CSc in Philosophy, Associate Professor
at the Chair of History and Theory of Culture,
Faculty of Philosophy, Lomonosov Moscow State
University (MSU).